

Когда отец услышал слова Сюй Цинжана, его лицо покраснело от гнева.

Не обращая внимания на многочисленных родственников, друзей и знакомцев вокруг, он указал на Сюй Цинжана и яростно закричал: "Ты, маленький негодяй, ты сделал это нарочно?!"

Почти все присутствующие знали, что прекрасная мачеха Сюй Цинжана недавно упала с верхнего этажа дома. Хотя ее срочно доставили в больницу, ребенка в ее утробе спасти не удалось.

И причиной ее падения стала маленькая модель Вольтермана.

Никто не знал, как эта игрушка оказалась там. Предполагалось, что он выпал, когда они поднимали наверх коробку с игрушками, купленными для ребенка, что привело к этой трагедии.

Это была рука той самой модели, сломанная при падении, которую до сих пор не нашли.

Семья Сюй и без того была опустошена потерей ребенка, и теперь Сюй Цинжань заговорил об этом не вовремя. Подарок, который он преподнес, намеренно или нет, был именно тем, что его мачеха меньше всего хотела видеть.

Узнав правду, Сюй Цинжань невинно возразил: "Вы не можете винить меня за это".

"Все было хорошо, когда я уходил из дома, и вы все никогда не обращались ко мне ни по какому поводу, ни по большому, ни по малому. Никто никогда не говорил мне об этом, так откуда я мог знать?"

Он выглядел искренне сожалеющим, когда пристально посмотрел в глаза своей мачехи и сказал: "Тетя, я помню, как давно предупреждал тебя, чтобы ты накапливала добрые дела для ребенка в твоём животе. В противном случае грехи прошлого могут отразиться на тебе".

Его мачеха встретилась взглядом с Сюй Цинжанем, чувствуя страх и вину под тяжестью его глубоких карих глаз. Она вспомнила свои действия много лет назад, но Сюй Цинжань даже еще не родился тогда во времена тех старых секретов!

Отец Сюя не выдержал загадочных обвинений Сюй Цинжана и гневно выпалил: "Негодяй, что за чушь ты несешь? Тебе обязательно всех расстраивать в такой радостный день?"

"Папа, - обратился к нему Сюй Цинжань, его тон был холодным, как у незнакомца, - я тоже твой ребенок. Почему ты устроил вечеринку только для Циньяня?"

"Ты не только не устроил ее для меня, но я даже не получал приглашения."

"Что, с новой женой и пасынком ребенок от твоего первого брака просто ничто?"

Сюй Цинжань улыбался, но от его взгляда по спине пробежали мурашки.

Его губы саркастически скривились: "Неосведомленному может показаться, что Сюй Циньянь, твой пасынок - твой биологический ребенок".

Окружающие гости на банкете перешептывались между собой и очень удивились, когда услышали слова Сюй Цинжана. Его заявления, если поразмыслить, действительно казались разумными.

Даже если Сюй Цинжань был бунтарем, он все равно был его собственной плотью и кровью. Более того, отец Сюя публично заявлял о своей глубокой любви к своей первой жене в течение многих лет. Если это правда, он должен любить и ее ребенка.

Теперь, наблюдения за напряженными отношениями между ним и Сюй Цинжанем, различия в отношении к Сюй Цинжаню и Сюй Циньяню на протяжении многих лет намекали на скрытую странность.

Услышав это, Лу Чэн повернулся к Сюй Циньяню и спросил: "Разве ты не говорил мне, что это твой брат отказался от твоего приглашения?"

Сюй Циньянь, выглядевший взволнованным, наконец прикусил губу и опустил глаза, признавшись: "Мои родители беспокоились, что мой брат устроит сцену, как раньше, поэтому они... вините меня, я не настаивал на том, чтобы убедить их передумать".

Отец Сюя, почувствовав укол в сердце, едва сумел сохранить самообладание, в гневе сменив тему: "Тебя отвергла школа, так какие же у тебя успехи?"

Сюй Цинжань слегка усмехнулся: "Как ты можешь так говорить? Школа уже зарегистрировала мою информацию".

"Меры конфиденциальности в военной академии на высшем уровне, до сих пор об этом не было ни единой утечки".

Отец Сюя, думая, что он сдался и наугад подал заявление в неприметный университет, презрительно сказал: "Университет, в который поступил Циньянь, - это престижная медицинская школа Университета Грантис. Это совсем другое!"

Когда Сюй Цинжань посетил военную академию вместе с Шэнь Тинью, им напомнили, что детали приема были конфиденциальными до начала семестра.

Итак, он не стал раскрывать эту новость, просто сказав: "Академический прогресс Циньяня действительно является поводом для празднования".

"Поэтому, чтобы поздравить моего сводного брата с успехом, я взял на себя труд подготовить для него особый подарок-сюрприз".

Как только он закончил говорить, на его телефон поступило уведомление.

Сюй Цинжань приподнял бровь: "Какое совпадение, оно пришло как раз в тот момент, когда я упоминал об этом".

Семью Сюй при слове "сюрприз" охватило дурное предчувствие. Конечно же, когда Сюй Цинжань повел группу людей с подарками и цветами в банкетный зал, и семья Сюй, и сам Циньянь побледнели.

Партия за партией бледные букеты выносились из лифта, вскоре заполнив пространство за пределами зала. Группа актеров в праздничных красных одеждах, с гонгами и барабанами в руках, вошла, улыбаясь и громко звеня в гонги.

День вечеринки по случаю помолвки.

Сюй Цинжань прислал похоронный венок от имени Сюй Цинжана; теперь Сюй Цинжань

заказал грузовик белых цветов, поместив черно-белую фотографию Сюй Циньяня среди цветов, превзойдя предыдущую сцену.

Он заметил: "Я подумал, что чистый белый цвет, похожий на белый лотос, тебе исключительно идет".

Сюй Цинжань нанял людей, чтобы они плакали на вечеринке по случаю его помолвки от имени Сюй Циньяня; сегодня он пригласил профессиональную оперную труппу.

Он попросил их сохранять радостное выражение лица и тон, соответствующий теме "Неудача на имперском экзамене".

Он также нанял каллиграфа, чтобы тот лично написал двустишие в подарок Сюй Циньяню. Носильщики подарков, одетые в изысканные одежды эпохи Тан держали в руках свитки. Они приблизились к Сюй Цинжаню.

Затем они одновременно развернули свитки, повернувшись лицом к Сюй Циньяню.

Первая строка двустишия:

"— С ущербным характером, как можно исцелять состраданием?"

Вторая строка двустишия:

"— Без добродетели или хороших манер, как можно вылечить мир?"

Горизонтальная надпись:

"— Желая тебе неудачи на выпускном, пусть твои мечты никогда не сбудутся".

В комнате воцарилась полная тишина.

Родственники семьи Сюй были в равной степени ошеломлены.

Только оперные артисты и музыканты, все еще оживленные, как будто праздновали Новый год, нарушали тишину своим шумом.

Главный герой дня, центр событий, покраснел от ярости, его кулаки сжались, дыхание становилось все более затрудненным.

Сюй Цинжань посмотрел на него, слегка прищурившись.

Они обвиняют его в том, что он устраивает сцены, не так ли? Сегодня он покажет своему сводному брату, как выглядит настоящая сцена.

"В прошлый раз ты обвинил меня в том, что я отправил предсмертную записку Лу Чэну, устроив сцену на вашей вечеринке по случаю помолвки, верно?"

Говоря это, Сюй Цинжань подошел к одному из нанятых исполнителей, взяв из его рук совершенно новый железный прут. Он осмотрел его, постучал по нему, чтобы проверить его прочность, а затем медленно направился к Сюй Циньяню, волоча за собой прут.

Когда он снова поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с Сюй Циньянем, в его глазах не было и намека на улыбку: "Тебе так нравится устраивать сцены? Хочешь испытать это?"

Сегодня ты получишь более чем достаточно."

Без предупреждения он замахнулся прутом в сторону живота Сюй Циньяня. От сильного удара у зрителей защипало в затылке.

Гости, не ожидавшие, что он действительно ударит, ахнули и в шоке прикрыли рты. Некоторые, испугавшись, инстинктивно попытались скрыться с места происшествия, но снова были поражены звуком от разбитого стола.

"Стол, накрытый бело-розовой шелковой скатертью, мгновенно разлетелся на куски".

"Когда посуда упала на землю, хаотичное бегство гостей было успешно остановлено".

Сюй Цинжань с привычной непринужденностью оперся на верхнюю часть штанги, лениво перенося на нее свой вес: "Сегодня, пока я не скажу, что вы можете уходить, никто не посмеет пошевелиться".

"Его тон был холодным и безразличным, с безрассудным пренебрежением к жизни каждого, как будто он угрожал взорвать их вместе со всем зданием, если они осмелятся уйти".

"Все застыли на месте — несмотря на то, что знали, что он был всего лишь экстрасенсом F-класса, о реальной силе которого не стоило говорить".

"Лу Чэн, увидев, что Сюй Циньянь схватился за талию и сильно кашляет от боли, бросился поддержать его".

<http://bllate.org/book/14270/1262976>